

Они выходят из чужой калитки, шаря руками, но не находя щеколды на привычном месте. Да и откуда ей быть, если эта калитка чужая? Низко тут щеколда. У них дома щеколда высоко, ее так сделали родители, чтобы они, маленькие, не выбежали лишней раз со двора. А теперь их родители только рады, когда дети уйдут куда-нибудь со двора! Как жизнь все перевернула вверх тормашками-то, господи, вот и соседи перестали даже замечать дикую парочку. А раньше только и слышно, что дети Ковальских пошли туда да дети Ковальских пошли сюда. Да вот так-то они говорили в магазине, да вот так-то у керосинной лавки, да о родителях никогда плохого не скажут — вот же ж воспитание! А ты, господи, на кого ты похож? «От диты Ковальськи, дывьсь, яки ровнэньки, чистэньки...» А что такое сделала жизнь с ними, бывшими цветочками? Они идут вместе, поддерживая друг друга, шатаясь и спотыкаясь, никому не желанные, в жеваной старой одежде, полная увядшая женщина, блондинка с мешками под глазами и стройный светлоголовый мужчина с очень побитым лицом, откуда ж они тут, на тихой нарядной, с кучерявыми деревьями, улочке?

Граня вздохнула и понесла ведра домой. Она и то стояла за деревом, пока пройдут они, Лешек и Златка. Неразлучная парочка. Только бы не увидали ее. Только бы на глаза им не попадаться... А если вспомнить детские годы, так там все было наоборот.

...Граня и Злата пошли в первый класс вместе, они жили на одной улице в Авдеевке, их рядом и посадили. Правда, белый фартук Граня был из старой занавески, а у Златы весь переливался, атласный-то, и еще вышитый гладью. Гране закрутили коричневые косы шнурочком и кор-

Галина ШЕКИНА
г. Вологда

ПЕРВОЕ ВЗРОСЛОЕ ЛЕТО

рассказ

зинкой сплели, а у Златы и косы бело-пушистые, и вот такие вот банты — с голову. В таком виде Злата всем слепила глаза, и даже педагог со стажем, первая их учительница, шурилась, очки поправляла, будто терялась. Что это за цаца такая сидит? Как с ней говорить? А ведь учительница понимала разницу между хорошим учеником и хорошо одетым учеником... Все, кто сталкивался со Златой, с ее белокурыми пенистыми косами, безмятежным лицом, изумленным взглядом дурочки, просто терялись. Терялась и Граня. Уставится Златка и смотрит. А чего думает? Сама и думай. Но Граня была другая. Она даже маленькая была похожа на Козетту из книги или на девушек с французской баррикады — смуглое бледное лицо, горящие черные глаза. Но это замечали не сразу.

После школы они обычно шли медленно, волоча тяжелые портфели, рассчитанные на много лет вперед. Они обязательно заходили на базар, покупали у бабок стакашом изюм или курагу и лакомились. Потом заходили к Злате домой поесть каши с тыквою, а то и вареников. Отец Златы Юрек Ковальский работал фотографом, а мать Гута Тимофеевна шила по людям, поэтому одна комнатка у них всегда была в ярких обрезках материи, лоскутах, мотусках и нитках. Граня быстро съедала тыквенную кашу со сметаной — когда эта каша и так хороша, и без сметаны за милую душу... А еще они со Златкой мастерили на тряпичных куколках платья... Чтобы сделать саму куколку, надо было Гуту Тимофеевну попросить. Она умела не просто сделать туловище, ручки крестом, а еще и личико так устроит, что есть щеки, лоб, глазки вышитые, ротик. Полоска серой или желтой овчины — и готовы волосы. Куколочки Гуты были особенные, короткие и даже могли стоять! Она их клеила на резиновую подошву.

Сейчас трудно объяснить, почему самодельные куколочки были лучше магазинных. Потому что живые, с выражением.

Лешек, Златкин брат, был старше ее года на четыре и дома бывал редко. За ним полшколы бежало из-за серых его глаз. А он гонял голубей со взрослыми голубятниками. На девочек не смотрел. Или виду не подавал, что ему лестно это.

Потом, после Златки уже, Граня бежала домой бегом, и коричневая корзинка кос билась о тон-

кую шею. Дома она ворошила скорее печь, подбрасывала уголь, а когда чугун разогревался, мяла картошку-мелочь и высыпала ее визжащему от голода поросенку. Мать Грани, Таисия, тоже была швея, только шила одеяла в швейных мастерских, утром уходила в семь и приходила затемно. Отец, Богдан Машталапов, работал машинистом на станции, так что дом-то был на Граниных плечах. Пока поросенок визжал или уже хрюкал наевшийся, Граня лушила кукурузу. В кладовке стояли серые чувалы с початками, неподъемные. Надо было отсыпать початки в тазик, лушить в большую кастрюлю-алюминьку и потом ссыпать в другой чувал, белый. Лысый початок бросать отдельно, в угол, на растопку. Спелые желтые початки хрустели, и зерно с треском падало в алюминьку. А если попадал неспелый, так руки очень обдирал. Свистели птицы. Со станции гудали паровозы. За забором ругались соседи.

«Иды снить. — Шо снить, кашу? А сала нэмаэ? — Нэмаэ. — Я тэбе вбью за тэ сало. — Нэма грошей на тэ сало. — А ну, иды сюды! Покажу, дэ сало браты». И дальше за забором начинались какие-то крики и даже обрывистый смех. «Сувертэко, Сувертэко, дывысь, як чудно чоловика зовуть — Грицько...» Так звали соседа...

Граня хмыкала, включала в розетку тарелку, чтобы не слушать соседей. И во двор гремели из окна простые советские песни. «Нас утро встречает прохладой, нас ветром встречает река, кудрявая, что ж ты не рада веселому пенью гудка...» И еще такое: «Нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни облака. Пламя души своей, знамя страны своей мы пронесем через миры и века». Так здорово, что мороз по коже!

Хлопала калитка железной щеколдой! Входила важная Златка списать уроки, а они еще не сделаны. Початки уже задвигались в угол, на деревянный уличный стол шлепались тетради по русскому и математике. Граня не понимала, почему Злата сама не пишет в тетради, но раз хочет — на, списывай. Пока Граня решала задачи, Злата пыталась лушить кукурузу, но тут же бросала это скучное дело и шла крутить радио — то погромче, то потише. Потом списывала уроки и просила:

— Идем же, Граня, погуляем.

— Не могу я никуда. Мне еще двор мыть. Придут — не сделано ничего. И початки тоже.

— Ты успеешь, пока они придут. Идем в парк, на фонтан посмотрим.

— В парк нельзя. Попадет.

— Фу ты какая...

В Златкином голосе звучали и сожаление, и насмешка. Можно ли быть забитой такой? Что там того парка? Часик и назад. Пока чистишь кукурузу в сарае, вся жизнь пройдет.

И она уходила. А Граня смотрела ей вслед и оставалась при своих интересах.

Уходила Златка, чтобы встретить в парке «знакомых девчонок», с которыми как-то незаметно время пролетало чуть ли не до полночи... На самом деле, это были не только девчонки, которые вовсе и не любили гулять в компании Ковальской. Вокруг Златки роились парни что тебе комары над патокой. Она на лавочке у фонтана, за фонтаном сразу шла огороженная танцплощадка, о-о, это уже была взрослая жизнь в парке. У лавочки сразу компания — фэззушники, блатные, приезжие, со школы тоже многие бывали, хотя бы тайком. И каждый норовил уйти ее провожать, на долю остальных оставались так себе. Вот разве Лешек, братик старшой, соколенок отчаянный. Ему уже не раз досталось за кудрявый чуб, его побили так, что на всю щеку был сизый фонарь. А почему? Потому что пошел провожать капризулю Златку, вот же — ни себе, ни людям...

Златка покрутит хвостом перед парнями, подразнит их, они за ней и увяжутся. А она назло им с братом уходит. На нем и вымещали.

А как он тайно нравился Гране. Видя его фонарь, она от нежности затихала и, зажмурясь, видела свою узкую руку, легко отирающую его щеку травяным настоем.

«Ты полечи его, дурочка, тебя ж охранял! — шептала она Злате. — От так подорожник прилады абы лопух!»

Но Злата отмахивалась: «Пусть matka поврачует». А тут оказалась Таисья неподалеку, услышала. Вечером тихо притянула девочку к себе, погладила ее косы: «Граня, Граня. Це ж не твий парубок, не заглядайся на його...» — «Да не заглядываюсь я!» — запылила Граня. «Бачу я, бачу». (*Вижу я, вижу.*) — И вдруг оборвала разговор, будто боясь обидеть дочку. Но дочка не уходила и упавшую материну руку взяла, сжала крепко. «Дуже вин гуляка, — пробормотала Таисья почти виновато. — Будэ гулять вись вик, а ты горюва-

ты...» — «А что, он уже с кем-то гуляет?» — напрыглась девочка. «Зо всим свитом... — вздохнула мать. — Шукай простого, не такого гарного...»

Граню больно укололо что-то, да так, что ни вздохнуть, ни охнуть. И пришлось дальше ходить с той иголкой в груди. Не вынуть, не избавиться. Чем хуже парень, чем хулиганистей, тем сильнее его любят. Можно сказать, ни за что. Или, наоборот, — за это.

Перед людьми Злате никогда стыдно не было, будто она имела право на легкую жизнь. На уроках ее особо не теребили учителя, в тетрадках у нее стояли четыре и пять, а если к доске вызывали — там дело шло хуже. Там уже только одна улыбка изумленных глаз и ничего больше. Все быстро поняли, что Ковальская сдувает домашние работы, и знали, у кого именно, но с чего было на Граню кричать? Граня учебник читала один раз и запоминала насмерть. Не было у нее такого баловства — на уроки все время тратить. Учителя ж видели, как она гнездится к подоконнику на перемене. «Ты чего?» — «Уроки пишу». — «Делать тебе нечего». Но делать ей было что!

Потому что у нее обязанность дома: вот это начать, это закончить... А уроки — уж когда отец с матерью заснут. Она вцеплялась в тетрадки, когда время было. Старалась быстро все запомнить, той же не было воли, чтоб по два раза учить. А отвечала Граня твердо, на отлично.

Утром, под резкое чириканье птах, пока потягивалась в постели сонная Злата, Граня уже, запарив чугуна, кормила поросенка. Потом бежала за водокачку рвать траву для кроликов.

Траву повдоль дворов в Авдеевке не разрешали трогать, только в поле за поселком. Ребяшня шла с тележками или мешками, кто с чем, и пряталась в середину поля между колосьев. А там объездчик на лошади и с кнутом — если что мог, стегануть как следует. С визгом убегали. Все ноги так избьешь. Да сто раз перепугаешься, неохота под кнут объездчика попадать! А отец — «три мешка до вечера можно вполне нарвать». Нарвать-то можно, а найти-то ее как... Отож выгнет вдоль спины — не схочешь травы никакой...

В этот раз Граня побежала одна, без компании, и весело надеялась на удачу. И то надежда, что, пока объездчик дрыхнет поутру, можно мешок добыть. Граня в сатиновых шароварах, в

клетчатой рубашке мальчуковой, с корзинкой кос под косыночкой, приседая, пошла по краю поля. Шаровары намочили от росы, но зато в траве легче было спрятаться, если объездчик. Вон он! Как рано выехал, оглоед. Она бросила мешок и, пригнувшись, в кустарник юркнула, сердечко тук-тук. Никому неохота кнутом по спине получить. Кажется, повернул, не заметил. Отец грозил: «Наташкой, а то получишь». А что там той Грани? Мешок же с нее ростом... А с двух сторон кнутами грозят...

Сосед Машталаповых Корягин пришел к отцу рядиться за летнюю кухню. Темным вечером кирпичи дымились, их Граня мыла веником и горячей водою. Когда замолчал сонный сытый поросенок, только сверчали сверчки по огороду, отец сидел под шелковицей и дымил сигаркою. И сосед Корягин пришел, снял с керосиновой лампы стекло, прикурнул и тоже дымил сигаркою. Он был хороший строитель, умелец по домам, на весь околоток один. Граня торопилась написать уроки в тетрадь, смеркалось, она убежала в дом, зажгла и там керосинку. Стоя за столом, она быстро написала задачи, а над русским подзадумалась. Что главное в жизни? Учеба? Да, а потом? Красота? Это надо! Любовь, наверно (при мысли о Златкином братишке уши ее загорелись что твои помидоры). Работа? Но такая, чтоб была важнее любви. А то ничего не добьешься... А добиться надо. Иначе — всю жизнь батрачь на кукурузе...

Во дворе раздался голосной многоступенчатый смех, то частый, то редкий. Она выглянула — за Корягиным пришла его статная дочка, в черногородошном городском сарафане и с крутой антрацитовою завивкой. Богдан и Корягин о чем-то шутили с ней. А ведь она была важная птица

— Иди до дому, батько, вже борщ готовий. Вечер добрый, Граня.

— Вечер добрый, тетя Наташа.

— Ты хорошо учишься, девочка?

— На пять.

— Молодец. Самолеты любишь?

— Самолеты? — У Грани занялось дыхание. — Откуда ж в Авдеевке самолеты?

— Приходи ко мне, дам книжечку.

— Шо? — грозно забасил Богдан. — Та не трожь ты дытуну!

— Та я ничего, дядько Богдан, — тетя Наташа прикрыла рот и быстро ушла.

Книжка была маленькая и мягкая от сильного листания: «Летающие лодки Четверикова». Тетя Наташа сказала, что таких книг в библиотеках нет, это для летного училища пособие.

Граня читала ее как приключения с мушкетерами, хотя никаких приключений там не было. А еще были рисуночки, которые Граня старательно перерисовала себе в тетрадку. Самолеты-амфибии, которые держались на воде, или гидросамолеты — они ей Жюль Верна напомнили, даже названия тут же затвердила — МУ-2, М-11, МДР-3, МР-5, РОМ-2, СПЛ, ОСГА 101, даже во сне она шептала их... И то хорошо, что, пока она дышала своею тайной, родичи внимания не обращали, а то попало бы. Она ж дивчина, не парубок!

Как же стучало ее горячее сердце, как шипало глаза от вдохновенных слез Грани, которая в восьмом классе уже оказалась готова к той книжке. Это вам не кукурузу лущить. Великие дела страны покоряли и звали за собой. «...Идея установить самолет на подводную лодку возникла в связи со стремлением повысить ее боевую эффективность за счет расширения поля обзора при поиске противника. Самолет мог увеличить «дальность» подлодки в десять с лишним раз... Где и как размещать самолет на подводном корабле? Нужен был самолет со складными крыльями...»

— На тех самолетах и начала летать Поля Осипенко. Это ж не женщина — орлица! А ведь наша родная, землячка моя, мы обе из Новоспасовки, — рассказывала тетя Наташа, опершись на забор между Корягиными и Машталаповыми. — Мы учились в одном училище, в которое и приняли не сразу. Сначала был ей отказ, потом пошла в столовую при летной части, возила на полигоны кашу, и там ей летчики потихоньку давали порулить. Вдруг приезжает в часть Ворошилов! После парада она к нему: «Возьмите в училище! Летать — умею!» Так и взяли... Сейчас она уже в Киеве, да в Кремль ездила... Недавно мировой рекорд побил, выше итальянской летчицы взлетела!

— На сколько... выше?

— Итальянка на шесть, а Поля наша на все девять! Тысяч метров, поняла?

— Тетя Наташа, а как ...меня? Могут разве меня принять в училище, если уж героя страны и то не сразу приняли?

— Конечно, могут. Готовься сильней.

Так мечта родилась. Наташа Корягина была летчица и первая сказала Гране про летное училище и еще — что нужна туда особая подготовка. Граня настолько впитала эти слова, что стала готовиться! И морально, и физически. Карточку Полины в военной пилотке наклеила на картонку и вложила в учебник.

Все это случилось в майские, перед каникулами.

Златка стала по весне много пропускать, но за уроками все же иногда приходила. Она стояла и смотрела, как Граня вроде обезьяны взбирается на самый чердак по громадной железной лестнице. Белые косы корзинкой у Златы, платье синее, жоржетовое, аж просвечивает. Стоит, взор к небу. В руках глиняный жбанчик, завязанный белой тряпкой.

— Граня, ты больная?

— Да нет, чего больная, — тяжело дыша, отозвалась мокрая Граня. — Физподготовка у меня, на быстроту... Ты за уроками?

— Ну да, зачем же. Не в куклы же нам с тобой играть. Вот вам от мамы Гуты варенички с картошкой. Она много сделала, всем хватит.

Глаза Златочки смотрели на Граню все так же умыто и так же бездонно сияли.

— А как экзамены? Как спишешь там? — тревожно спросила Граня.

— То не твоя забота.

Она стала писать в тетради, поднимая бровь, косясь на Гранину подготовку.

— А чего ваш Лешек? Все гоняет голубей?

— Нет, Граня. Он уже поступил на машиниста. И он стал ширый писарь — все пишет, пишет, даже и ночью.

— Влюбился ваш Лешек.

— Да его не поймешь. То любит, то тоскует...

— А ты, Златка? У тебя есть кто?

Златка порозовела лицом, шейкой и грудью. И погрозила Гране пальцем.

А в понедельник на русском, как раз повторяли к экзамену тему, — вошла в класс комиссия. Три человека, все незнакомые, одна женщина в форме и с ними директор. Женщина в форме быстро отчеканила, как много сейчас значат для

страны трудовые резервы. Все и так все знали, но молчали. Дисциплина была в школе железная. Дальше повел речь директор.

— По итогам года выявлены учащиеся, которые не проявили должного рвения в учебе, посещаемости и поведении. Неоднократные предупреждения родителей ни к чему не привели. Сейчас я зачитаю список учеников вашего класса, которые не будут допущены к экзаменам.

В паузах дергалась бровь директора, руки со списком дрожали.

— Учащиеся, чьи фамилии я зачитаю, будут немедленно отчислены из школы и направлены на обучение в ФЗО... Учебные заведения закрытого типа работают на полном гособеспечении. Домой они не поедут... Портфели берут с собой... И Ковальская Злата Юрековна...

Их вывели, построили и увезли на автобусе. Вечером к Машталаповым примчались Гута и Юрек. Они ждали до четырех, но дочь не явилась с первой смены. Гута уже рыдала в голос. Трясущимися губами Граня рассказала им, как все было. Потом подала Гуте жбанчик, в котором та послала вареники. Не говорили, просто женщины плакали, и все. Таисья обняла Гуту Ковальскую, и так стояли они под шелковицей, качаясь в плаче. Хотя им Граня вынесла табуретки. А Богдан смолил сигарки из газеты да молчал. До того случая он был уверен, что государство всегда правое... а тут дитя отняли у отца-матери...

Богдан тот год даже не снимал Граню со школьных занятий на огород, как это обычно бывало. Весь огород сажал с женой Таисьей и помощником своим с паровоза... Огородов было три: овощи — цибуля-фасоля, гарбузы (тыквы), кукуруза. Кукуруза на еду, стебли на корм, пустые початки в топку. Все это надо было еще полоть...

Когда экзамены кончились, Богдан дал девочке отоспаться три дня. Потом запалил сигарку и сказал:

— Я получаю семьсот пятьдесят грамм хлеба, на иждивенца, на Граньку, — еще сто пятьдесят. Мать работает в швейной мастерской, ей дают на карточку пятьсот. Если летом Граня пойдет чернорабочей путей, она работать будет не до шести, как все, а до двух, но карточку получит взрослую! И денег, и целый кусок мыла. Понятно говорю?

Таисья всплеснула руками, охнула:

— Це ж дытына! Шо вона зробэ!

— Не обсуждается, — Богдан положил кулак на стол, не стукнув, но кулак сжал крепко...

Граня знала, что в их околотке на путях уже работали парубки. Девушек еще никто не гонял. Вон Колечкины — вроде учительская семья, бедная, а дети ни лета не работали.

Пришли на станцию девятнадцать человек школьников. Почти все мальчишки, три дивчины, Граня самая худая из всех. Вся группа пошла от станции километра за два на товарную ветку. Дали каждому кирку: разбивать спекшийся мазут на камнях между шпалами. Как бить? Позже пришел путевой обходчик с потрескавшимся красным лицом и сказал:

— План, ребята, пять квадратов. Бачьтэ, шо между шпалами и рельсами получився квадрат? Вам надо його разобрать, то есть разбиты, камни скласты в ящик, а всё, что отвалылось, — сыпать за рельсы. Между рельсами надо шоб пустое оставалось. На шо крошить пласт? Да шоб воздух проходил, шпалы лучше лежат, не гниють. Чисты камни тэж обратно сыпать. Дитям пять квадратов, усим другим — десять. Канистру воды прыйшло. Всэ.

Размахнулась Граня киркой на камень, чтоб ударить посильнее, а кирка оказалась такая тяжелая, что сама дернула ее за собой. Граня чуть не упала навзничь: тянет, можно за один взмах назад опрокинуться, голову рассечь. В локтях и плечах быстро заныло.

— Тихо, — остановил ее чужой парубок, — повыхиваешь плечи. Первый раз?

— Ага.

— Вот тебе и ага... Смотри! — и медленно взмахнул киркою...

Это уж потом Граня сообразила, что взмах надо делать не вверх, а немножко в сторону, чтобы так руки не вырывало, а тогда что она могла понять? Все бьют, и она бьет. В каком-то бессознании все.

Жара усиливалась к обеду, даже птицы в посадках переставали посвистывать. Двое выбыли в тот же день: неверный удар кирки пришелся по ногам...

Она была по камням, чтоб раскрошить спекшийся от мазута и грязи пласт, потом что отвалилось — за рельсы. Слой такой толстый. Очищенные камни надо было засыпать обратно. На это

были выданы грабарки и большие рукавицы, которые не держались на руках. Ящик она тоже поднять одна не могла, ждала чужого парубка.

У канистры на цепке моталась большая кружка, но она старалась меньше пить, боялась — ослабнет, свалится. Она глотала крупно несколько глотков, потом проводила по лицу и снова затягивала косынку. Невозможно ж сказать, что это была за работа. Непонятно, как дотянуть до двух-то часов дня, а там еще трава, огород. Что там той Грани? Одна худоба, силы никакой. Обходчик угрюмо отпуская их, тыча пальцем в часы.

Падала без сознания уже дома, ничего не видела. Она могла бы спать с трех и до утра, но вставала по хозяйству. И снова падала, часто одетая. В голове плыли летающие лодки Четверикова, похожие на сказочных жуков. Она видела себя в кабине... Самолет взлетал прямо с рельсов, унося ее от всего этого ада. Надо это пережить, чтобы летать... Стать знаменитой, как Полина Осипенко, и однажды пройти мимо дома Ковальских, как бы на колонку...

А утром в треснутом зеркале она видела свои горящие черные глаза и пятнисто-загорелое лицо — летела пыль, кожа загорала неровно. А что ж там той Грани? Одна худоба, силы никакой. Красота в ней была, да — опасная, змеиная. Но пока незаметная, неочевидная для всех. Заморыш да заморыш. Это уж потом она раскроется, ее южная испанская прелесть, опаленная, потом заблестит гордо, но не теперь, когда школьница бежит в линялой кофте да мазутной косынке...

На тонких Граниных руках быстро выступили вены, — да ладно, успокаивала она себя. Не до красы, выжить бы только. Кормила она поросенка, индюков да и шла на станцию.

А там уже из хриплого репродуктора песня шла. И Граня ей подпевала, ежась от росистого утра: «Заря встает, дорога вдаль ведет. Кругом земля цветет, сверкают реки.

А сердце ждет, но где же ты, моя необходимая любовь навски...»

Зато когда выдали Гране карточку и на нее хлеб, она так наелась! Она жадно ела хлеб по дороге. Глинистый мякиш приставал к зубам, слюна чуть не бежала с губ... Пружинистый ноздреватый кусок быстро таял на языке... какое острое, ни с чем не сравнимое удовольствие. Все на дивчину смотрели, но стыдиться

было нечего. Она могла открыто есть этот хлеб, потому что сама заработала его.

Да еще чернорабочим раз в день раздавали горячий суп и кусочек мяса. Суп наливали в большую алюминиевую кружку, наподобие той, что висела на цепке у бака с водою. Суп хотелось есть долго и помалу, но большинство выпивали его тут же, або дома не было и того...

Так и прошло первое Гранино взрослое лето. В битве за первую взрослую карточку.

МАРШ ИТАЛЬЯНО

То лето казалось удачливым для Машталаповых. Кукуруза на третьем огороде вымахала за два с лишним метра, густо щетинилась молочными початками что твоими поленьями. Богдан надеялся, что они заколют к осени поросенка, засолят много сала в подвальном рундуке... Да и будущему поросенку будет что скормить, если учесть кукурузный силос. Красная фасоль надула длинные свои стручки. Шелковица как стала осыпаться, так вот Граню погнажи обирать. И она ела ее горстями, аккуратно подбирая с ладони. А шелковица качалась на ветрах и Граню качала — ну совсем как гидросамолет, который видела на испытательном полигоне тетя Наташа Корягина. И, задумавшись с повисшим на мотузке бидончиком, обхватив дерево ногами в сатиновых шароварах, Граня прислоняла лоб к стволу. Это ж самолет может подняться с поверхности реки или озера и лететь с огромной скоростью до трех километров в высоту, легко садиться брюхом на заснеженное поле и грунтовую дорогу. Это же что выходит? Что хочет, то и делает, по грунту пробегает метров пятьдесят, а по воде и того больше... Говорят, и шасси никаких не надо, все дно его как в той лодке... И душою взлетала Граня, представляя, как она полетит на том самолете...

Почтальонка принесла толстое письмо от тети Наташи Корягиной. Там она спрашивала, поче-

му нету вестей от папы и не случилось ли с ним что? А с ним случилась такая вещь, о которой никто и не решился бы писать, — Корягина посадили по доносу.

Еще была вложена газета «Взлет» города Качинска. «РЕЙС «РОДИНЫ» — ПОДВИГ». 24 сентября 1938 года двухмоторный ДБ-2 «Родина», взлетев с подмосковного аэродрома, взял курс на Дальний Восток. Пробираясь сквозь облака, самолет долго шел в слепом полете — штурману Расковой приходилось прокладывать путь по приборам. Вскоре проявился еще один коварный враг — обледенение. Чтобы сбить лед с лопастей пропеллера, летчики до предела увеличили обороты винта. Дони-мала болтанка. После Урала связь с землей прервалась. Из-за отсутствия связи летчики прошли мимо Комсомольска-на-Амуре. Когда показалось Охотское море, тревожно вспыхнула лампочка, сигнализируя, что бензина осталось на полчаса. Командир корабля Гризодубова решила садиться в тайге с убранными шасси. Она приказала Расковой прыгать с парашютом, потому что подобная посадка опасна в первую очередь для сидящего впереди штурмана. Самолет посадили на болото в верховьях таежной реки Амгуни. Точного места приземления «Родины» никто не знал. Начались поиски. От Байкала до Охотского моря над тайгой, горными хребтами, непроходимыми болотами летали самолеты. Охотники, жители далеких поселков ушли в таежную глушь. 3 октября экипаж был обнаружен с воздуха. Из села Керби вышел катер «Дальневосточный», который, дойдя до верховьев бурной Амгуни, подобрал в тайге героических женщин. За 26 часов 29 минут беспересадочного полета «Родина» преодолела расстояние в 6450 км. Мировой рекорд дальности полета для женщин оказался перекрыт более чем на полторы тысячи километров. На каждой станции, в каждом городе от Керби до Москвы летчиц встречали восторженные толпы людей. За свой подвиг Гризодубова, Осипенко и Раскова получили звания (первыми из женщин) Героев Советского Союза.

Как же плакала Граня, как плакала она от истории, опалившей ее юное сердце. Да неужели она, Граня, жизнь потратит на хозяйство и рабскую повинность по дому? Неужели она,

твердый духом и телом человек, не попадет в другой мир, где только подвиг — смысл жизни? Да будь неладно это хозяйство, когда наши женщины не просто не погибли, но всему миру доказали, на что способен человек, если служит делу? Да невозможно так сидеть и лущить фасоль, когда такое происходит!

...К Гране подружка приходила, Златка Ковальская. Запечатанная в тугую форменную тулупку с блестяшками на пуговках и воротничке, она казалась молоденькой милиционершей...

Остриженные под бокс ее пышные белые волосы выбивались из-под черного берета, губки кричали густою красной помадой.

— А что ФЗУ, глянь как страшно. Мы на го-собеспечении, да иногда домой отпускают...

— А что мама твоя, не плачет больше?

— Нет, она даже рада... Даже тоскует, что Лешек не со мной, а болтается. Неделями голодный, да компании всякие, да гроши с дома тянет...

— А если что?..

— Если что — так на ящик отправят. Да и там робят люди. Пойдем в парк сходим?

— Нет, мне нельзя, не пустят. Ты иди, Злата.

Уж если на честность, так Гране тоже хотелось в парк. Она могла там повидать хулиганского брата подружки, который теперь почти не жил дома, а болтался. Но пойти рядом со Златкой в старом школьном платье? Это позор. Златка в своей темно-синей форме со сверкучими бляшками, в беретке набекрень. Поневоле многие косили глазом в сторону Лешек Ковальского, который по вечерам щеголял в настоящем сером двубортном костюме... Тоже подработал или родители дали? Сомнительно, чтоб Лешек захотел работать... Штаны были страшно широки — как две юбки! Мальчишка, а уж шляпу напялил...

Граня сталкивалась с Лешком только когда по воду ходила на колонку. Издали завидя его полосатую московку, она неторопливо, лениво-притворно подходила, покачивая ведрами, смотрела, как он наполнял большую флягу, ставил ее на колеса. Папироска дымила в углу тонкого мальчишеского рта. Почему-то она никак не вязалась с еще очень юным лицом. А может, это просто воспитание было у Грани такое... Он набирал воду, подмигивал Гране и то-

же не торопился уходить. Потом брал и наполнял ведра ей, провожал до угла и поворачивал домой. Они шли молча, Граня горела...

Граня оставалась маленькой, а Златка как-то сразу взрослою стала, живя не дома.

Граня кувалдою на путях махала, а Злата стояла у станка да чертежи училась разбирать.

Сдерживала биение сердца, когда мимо дома их шла, а Злата уже вовсю крутила любовь со студентами, инженерами из депо. Уже четырнадцать Гране, а Златке пятнадцать... Граня только ждала, что ей жизнь сделает поблажку, а Злата давно жила на полную катушку. Перехватывая молчаливые взгляды дочери, добрая Таисия утешала ее:

— Ничего, ничего, зайчик. Всэ будэ...

А когда ж оно будет-то? Граня стояла за керосином, задумчиво крутя косу. Синее штапельное платье в черный горох билось от ветра... Репродуктор в тот день играл одну музыку, это нравилось Гране. Несмотря на летнюю жару, очередь стояла тихо, никто не толкался, не спорил, что нарастет лучше — цибуля или кукуруза. Пожилые женщины-хозяйки, дети да старые железнодорожники стояли близко, как родичи, и все притихшие. Как вдруг дядька заговорил в репродукторе, и керосинщица отпускать перестала, и все побросали бидоны: «Молотов, Молотов». Потом опять марш и стихи, они падали на головы людей что твои камни. «Наши пушки вновь заговорили! Враг напал. Мы выступили в бой! Вымпела прославленных флотилий словно чайки выются над водой. Бить врага нам нынче не впервые, чтоб кровавый след его простыл, вам, полки и роты фронтовые, помогает действующий тыл...» Многие побежали с торговой площади, но Граня все-таки налила свой бидон, протянула деньги, но залитая слезами керосинщица махнула рукой и захлопнула окошко, приговаривая:

— Ой, горе, ой, горе...

...На Донецк и Ясиноватую уже бомбы падали. До Авдеевки пока не дошло, но бухало рядом совсем. И ровно туча свинцовая накрыла Авдеевку. Таисия с опухшим от слез лицом чего-то шила и складывала в полосатый мешок. Богдан на работе был круглые сутки, иногда только появлялся дома с красными от недосыпу глазами: хватить кус глинистого хлеба с салом,

вареной картошки. Лицо его было без выражения, но Таисия понимала — уйдет на фронт. И, несмотря на жесткий его характер, дрожала вся от макитры до пят — молодая пошла за него, восемнадцати не было, терпела окриков досыта, а только теперь она будет вовсе сиротой. В школу свозили раненых, делали лазарет, здание было хорошее, кирпичное. При школе записывали добровольцев. Оборонительный отряд сколачивали и при станции, но было поздно, поздно... Друг другу шепотом передавали — отступаем... На конец сентября Красная армия оставила Одессу, а в середине октября бои велись вблизи Харькова и Донбасса. Советский Союз терпел поражение, что ставило под сомнение жизнеспособность государства и судьбу людей. Гитлеровцы считали территорию Восточной Европы, в том числе Украину, жизненно важным пространством для немецкого народа...

Ушел на фронт весь южный околоток. Даже сосед Машталаповых, Грицко, который рядился за сало. «Сувертэко, Сувертэко, дывись, як чудно чоловіка звать — Грицько...» Даже Ковальские ушли — оба, отец и сын. Тетя Гута, оставшись одна, пошла работать в швейные мастерские. Даже учитель Колечкин, совсем больной, и тот попросился на фронт, его будто отправили в газетчики. Но Богдана в армию тогда не забрали, дали белый билет. То ли потому, что железная дорогая была нужна и нашим, и вашим, то ли почему еще. Мастерские, где горбатилась Таисия, перешли на шитье белья и формы для солдат. Теперь дома никогда не было ни отца, ни матери — приходили и уходили они ночью. Многие тогда ночью работали, окна наглухо закрывали, ни щелки света не проходило...

Когда Граня пришла в бывшую школу, ее отвели в постирочную: там стояли баки с замоченными бинтами и постельным, которое меняли на перевязках. Вонь ужасная. Воду таскать из колонки. Простирав первую грязь, пропускать второй раз. Потом кипятить, полоскать. По лицу пот, по спине. Граня думала, сцепив зубы: «Ничего, ничего. Это тоже для победы надо».

Народу не хватало. Когда по школьному саду развешивалась полуотстиранная партия (кровь плохо отходила, оставляя бурые разводы) — можно было отдохнуть в палатах, разнести что надо,

попоить тех, кому можно... Сил даже на улыбку не оставалось.

Круглые сутки дом был заброшен, окна закрыты. Еда кончалась. Два раза стояли очередь за солью. На рассвете, когда по траве шла изморозь, Граня с матерью бежали в поле, наскоро и тайком ломали кукурузу на своем же огороде и вздыхали обратно. Кукуруза была уже изрядно общипанная — с Ясиноватой, Горловки и Донецка тянулись голодные с узлами, чтоб менять дорогие вещи на продукты. Но кому были нужны теперь те шелка и меха... Порося пришлось зарезать и срочно засолить. В погребе откопали еще хран и сложили туда солонину, закатанную в полотно.

Вспоминалась Златка, которая и поесть, и одеться любила, да только и она теперь оказалась в закрытом военном заводе — от нее раз в месяц приходили Гуте скучные почтовые карточки с печатями... что жива да все хорошо. Какое хорошо. И плакала Гута взхлеб. Все ж не на войне, как Лешек. От него вестей не было.

Похоронку получила Колечкина. И между детьми Колечкиными и всеми другими сразу стала такая пропасть. Что вы там пережили, если у нас — такое...

Госпиталь срочно эвакуировали со школы, а вскоре пришли немцы. Как-то быстро все произошло, все надеялись — нет, не придет та зараза до поселка, но судьба зло зарычала военными машинами и мотоциклами, залепила очи, заткнула рты. Граня в зашитой на плечах и надставленной кацавейке попятилась с флягой воды на колесах, и ее таки прибило к забору. Улочка стала пустой, народ вогнул головы в плечи, рассосался по дворам. А она не могла. Она смотрела как заколдованная на военную колонну, ошетиленную автоматами, низкий рев машин в туче пыли, и ее подташнивало. Все стало серое, как та пыль! Еще деревья не распускались, но уже такая жара. Вот так они пришли. Колонна ехала к бывшей школе... молва уж разносила слухи, как ловят евреев и гонят в лагеря. Упорней всего говорили о больших расстрелах по Украине. Но так, сдвоенным шепотом — за такие разговоры тоже сулили расстрел.

В первую неделю тихо все было. Только по дворам ходила проверка из местных полицаяв

да с ними один-два фашиста. Раскидали кругом листовки. Индюков похватили не всех, те были облезлые от недокорма и худые. Потом пришел на постой фашист в форме с двумя солдатами и полицаем. Таисию вытолкали из хаты раздетую, без тужурки и показали на сарай — туда!

— *Via di qui! Rapidamente! (Рапидаменте... Быстрей!)*

— Мама! — проскрипела, охрипнув, Граня.

— *Rapidamente! Urgente. (Быстрее.)*

— Ничего, доню, ничего...

Ее втокнули и заперли. Полицай велел выметаться из дома, там теперь живет господин Орсо. Граня стала что-то таскать — постель, кастрюли, свалила это на лавку во дворе, потом вспомнила про материну одежду. Полицай, поругавшись, дал матери одеться. Они хотели положить узлы в сарай, бежать по соседям.

— *Mi avete frainteso (Ми авенте фрайнтезе — Неверно поняли меня),* — бросил Орсо. — *Ragazza, ragazza ...*

Им разрешили остаться в летней кухне, мать пыталась растопить там заснувшую печку, но печка дымила, тоже задыхалась. Граня складывала хлам из летней кухни в сарай, носила мешки с пустыми початками — и там увидела, что есть недолущенные, вот же радость-то...

Господин Орсо Руперте был не просто фашист, а фашист убежденный. Картину цветную с Муссолини прилепил рядом с окном, в золотом ободке. И музыку красивую на патефоне сразу завел... И Граня чувствовала, что музыка была маршем, и все равно это было так красиво... Похоже на заграничное кино...

«Как это люди едут на войну, их там могут убить, но они везут с собой пластинки! — испуганно думала Граня. — Вот и у Ковальских есть пластинки, и у Колечкиных. Но кому ж придет в голову тащить их на фронт? Не на танцы ж едут...»

Росту господин Орсо был небольшого, широкый в плечах и кряжистый, и волосы синеватые, низким мыском у лба, коричневые маслянистые глаза и противно красные губы. Ходил медленно, тяжело, и форма хрустела, трещала на нем. Как покрутил головой он за бегавшей туда-сюда Граней, так и присела та. Ужас, сразу прекратила бегать... Такой он был

наряженный, как из сна страшного вышел. «Рагацца, рагацца». Пошел бы он... Но надо молчать, это враг, он за одно слово убьет...

Не успели опомниться Таисия и Граня от нового жильца, как ночью случилась беда!

Батько Богдан, который был в дальнем рейсе, вернулся с него очень поздно...

Обычно он шел есть в летнюю кухню, потом спать. А тут, видно, до того намотался в пути, что сразу прошел в дом, ломанулся в двери... Что крик пошел из дома, то еще ничего, а то, что выстрелы сразу захлопали, — было жутче. До того Граня никогда так близко не слышала выстрелов — будто хлопали по забору огромные кнуты...

Высочили Таисия с Граней во двор, а там уж солдаты ташат под руки Богдана, и Орсо в подштанниках, голый по пояс, с пистолетом в руках. Господи ж боже. Убьют отца.

Закричали смертно мать и дочь, кинулись к врагам. А те по-своему:

— *Criminale! Criminale di guerra! (Криминале ди гуэрро! Военный преступник!)*

Граня бросилась на шею отцу.

— Папа! У нас немцы...

— *Via di qui! (Via ди кьюи! Прочь!)*

— *Giurato, pelata (Гуирато, пелато — лысый),* — Орсо показывал на лысину Богдана.

— Нет! Не солдат! — уцепилась за руку Орсо Таисия, но он живо отшвырнул ее. Таисия упала, ударилась о кирпичный двор, застонала. Сильный, гад.

— Нет, — завизжала Граня. — Папа! Найн зольдат. Найн милитар. Арбайт! — Граня не знала итальянский, но вспомнила со школы немецкий!

— *Classe operaia? (Классэ операя? Рабочий класс?)* — Орсо опустил пистолет.

— Арбайт, арбайт, — Граня с искаженным лицом гладила по груди Богдана, а тот, как обычно лысый, был совсем небритый, в щетине, да и, как назло, вылитый тюремщик.

В несколько секунд тишины вдруг глупая ночная птица защebetала сонную песню... Это было так странно, ведь только что выстрелы шарахнули. Но маленькая птица была живая и жила себе в гнезде, как будто войны не было.

Орсо махнул солдатам, они нехотя отпустили отца.

— *Documenti,* — прищыкнул Орсо.

Богдан трясущимися руками достал из-за пазухи удостоверение машиниста. А там на уголке паровоз. Все понятно.

— Но милитаре, — совсем успокоился Орсо. — Машиниста.

И похлопал по плечу Богдана, которому был буквально по плечо... И тогда они подняли плачущую Таисию, и Орсо, гад, туда же, не сам ли пихнул...

А тот показал на Граню:

— E un bel pezzo di ragazza... Intelligente.

Граня поняла, что ее назвали интеллигентной...

Она потом долго удивлялась. Как это Орсо опомнился и не убил ни отца, ни мать. Может, это птица так подействовала? Но на самом-то деле подействовала она, маленькая смуглая девочка, которая нашла слова и заступилась за отца. Неженатый Орсо представил — если он попал в беду и за него заступилась бы маленькая девочка, враг пожалел бы его? Несколькими раз он приходил после службы и подзывал Граню.

Богдану дали поесть, помыться, отпустили на работу, а Таисия хваталась за сердце, когда ее дочку звали к господину Орсо. Но Граня его уже не боялась. Почему-то он был жалок ей! Она думала — как должно быть паршиво ему здесь, в этой чудной Украине, чужой ему, вражьей, потому что он сюда как враг пришел.

Показывая на патефон, он пытался ее научить своему маршу. Она, замирая от отвращения, сжимала рот на словах про Муссолини: «За Бе-

нито Муссолини! Хейя, хейя, алала». А потом, когда он принес ей русские слова от своего переводчика, она даже обрадовалась: там было все про юность и весну! «Юность, юность — весна прекрасного. Твоя песня жизни звенит и проходит сквозь все печали».

*Giovinazza, Giovinazza,
Primavera di bellezza,
della vita nell'asprezza
il tuo canto squilla e va!*

Чудные итальянские слова завораживали, да и сами фашисты уже не казались такими жуткими. Глаза же непонятного фашиста наполнялись слезами, если она хоть этот припев подхватывала.

Граня написала на листочке слова и русской песни:

*Заря встает, дорога вдаль ведет,
Кругом земля цветет, сверкают реки.
А сердце ждет — но где же ты, моя
Непобедимая любовь навеки...*

Переводчик чего-то долго тянул. Вскоре итальянские части получили приказ идти дальше, и ошестиненная колонна уехала. Начались бомбежки. Песню о непобедимой любви господин Орсо так и не выучил.

□

Галина Александровна ЩЕКИНА

*родилась в Воронеже, окончила Воронежский университет.
Прозаик, поэт, драматург, критик, общественный деятель.*

*Публиковалась в периодических изданиях, альманахах
(«Книжное обозрение», «Дружба народов», «Литературная Россия»,
«Журналист», «Вологодский лад» и др.).*

В 2008 году вышла книга «Ор».

*Награждена премией фонда «Демократия» в 1996 г.,
памятной именной медалью Ильи Тюриня в 2007 г. —
как координатор проекта «Илья-Премия» по Вологде.*

Финалист премии «Русский Букер-2008».

*Член Союза российских писателей с 1996 года,
основатель Вологодского отделения СРП.*

Член Союза журналистов России.

Живет в Вологде.

В журнале «Север» публикуется впервые.

